

Л. П. Лантева

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Ю. И. ВЕНЕЛИНА ДЛЯ БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Две даты Ю. И. Венелина, 150 лет со дня смерти в 1989 г. и 200 лет со дня рождения в 2002 г., породили большую литературу об одном из первых российских славяноведов¹. По сравнению с предшествующими сочинениями, в работах конца XX – начала XXI в. освещены вопросы, ранее не поднимавшиеся, в ряде случаев дана новая интерпретация некоторым произведениям слависта, введены в научный оборот новые архивные материалы, впервые изданы некоторые произведения Ю. И. Венелина и архивные документы о его ученой деятельности. Ю. И. Венелин сыграл важную роль в процессе национального возрождения болгарского народа, в его время забытом или мало известном. Даже в России, где в начале XIX в. появился интерес к балканским славянам и было известно о западных славянах и сербах, о болгарях вообще не было никаких данных либо существовали самые фантастические представления. Как отметил один из историков XIX в., к исходу 20-х годов в русских журналах выражалось мнение, что «задунайские славяне все перевелись и что там не слышны больше славянские звуки»². До какой степени доходила неосведомленность о болгарях, свидетельствует, в частности, тот факт, что во время русско-турецкой войны конца 20-х годов, проходившей и на территории Болгарии, в русской армии не только низшие чины, но и офицеры «считали болгар татарами», а «их язык исковерканным русским»³.

Именно в конце 20-х годов болгарями заинтересовался Юрий Гуца-Венелин (1802–1839). Он родился 22 апреля 1802 г. в селе Тибава (тогда – в Северной Венгрии), в семье священника. Закончил Ужгородскую гимназию, затем учился в Ужгородской духовной семинарии и Сатмарском лицее. В 1822–1823 гг. учился во Львовском университете, где увлекся работой над историческими материалами в архивах города Львова. Духовная карьера Ю. И. Гуца не привлекала, и он весной 1823 г. с новым именем Венелович-Венелин вместе с двоюродным братом И. Мольнаром отправился в Черновцы, а потом через границу в Кишинев. Генерал-губернатор Южного Края России И. Инзов принял пришедших и предоставил им работу: Венелина назначил учителем арифметики, а Мольнара – учителем латинского языка.

За два года пребывания в Кишиневе Венелин общался с болгарскими колонистами, изучал их язык и обычаи, делал выписки из греческих и римских авторов и средневековых хронистов о населении Балканского полуострова. В 1825 г. карпаторосы прибыли в Москву. Ю. Венелин встретился здесь со своим земляком И. С. Орлаем, доктором медицины, и, по его совету, поступил на медицинский факультет Московского университета. Однако будущий «лекарь» продолжал заниматься историческими изысканиями. Он познакомился с известным историком, профессором Московского университета М. П. Погодиным, который вел с ним беседы об истории, снабжал книгами и побуждал его заниматься исследованием источников. Ю. И. Венелин был весьма образованным человеком: хорошо знал греческий и латинский языки, причем на последнем писал, как на родном, с детства владел венгерским, очень хорошо говорил по-немецки и по-французски, понимал английский и итальянский, испанский, румынский и турецкий.

Известны были ему также и все главнейшие славянские наречия⁴. Это обстоятельство позволяло ему одновременно заниматься наряду с историей и языкознанием. Постепенно он стал сотрудничать с московскими журналами. В 1828 г. он поместил в «Московском вестнике» рецензию на книгу И. Яковенко о Молдавии, Валахии и Бессарабии⁵ и затем полностью посвятил себя исторической работе.

В 1829 г. вышла книга Венелина «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном и историческом и религиозном отношении к россиянам». В ней автор описывает трагическую судьбу болгарского народа, некогда могущественного и славного, а ныне утратившего историческое достоинство и забытого Европой. «Между тем как европейские публицисты, человеколюбивые политики óхали над судьбою греков, между тем как вселенские летучие листки (т. е. газеты. – Л. Л.) испещрены именем фанариотов, сулиотов, идриотов, эллинов и пр., между тем как всякая политическая голова непременно рассуждает о возрождении и нет византийского орла, болгары не бывали и в помине, даже никакой славянин не рыдал над телом зарезанного льва... «Златовенчаный лев» Болгарии лежит распростертый на Земле, удушенный магометанизмом»⁶. Критика Венелина не пощадила и Карамзина, ничего не сказавшего о болгарях в своих исторических сочинениях, популярных в этот период. «Несмотря на всю занимательность обширного болгарского народа, – пишет Венелин, – нельзя не удивляться, что не только Карамзин никакого не обращал на них внимания, но и другие новейшие народописцы при исчислении славянских племен большей частью совсем не упоминают о болгарях, живом нынешнем народе, между тем как исчисляют истребленных славян померанских! Пусть иностранцы, по неведению или по нерадению, мало о них заботятся, но тем непростительнее нам забыть болгар, из рук коих мы получили крещение, которые нас научили читать, писать, на коих природном языке большею частью писали мы почти до времени Ломоносова, коих колыбель сопряжена с колыбелью русского народа»⁷.

Столь славный в прошлом народ, по мнению Венелина, обладал прекрасным внешним обликом. В главе «Характеристические черты болгар» он передает описание одного из греческих авторов: «Болгары вообще росту высокого, сложения и силы атлетической, постоянны, трудолюбивы и неустрашимы... Турки не так гостеприимны, как болгары... Притом они опрятны во всем их домашнем быту... Вот некоторые черты нравственного и телесного характера, некогда благороднейшего из всех славянских народов», – резюмирует Венелин⁸.

Далее автор сетует на то, что историческая наука совершает преступление против истины. Даже кичащиеся своей объективностью немцы, авторитету которых поддались наивные россияне, в том числе и Карамзин, обижают болгарский народ. В изложении истории болгарского народа Венелиным звучит скорбь о современном его состоянии и призыв к возвращению ему места в истории. Но средства к этому были столь неправдоподобны, аргументация и факты столь фантастичны, что даже при низком уровне знаний о болгарях в России и других странах, критика отнеслась к книге Венелина резко отрицательно. В журнале «Московский телеграф» была напечатана издевательская заметка издателя, известного «карамзиниста» Н. А. Полевого, который писал: «Главная мысль автора (т. е. Венелина. – Л. Л.), что болгары были славяне. Но этого мало: он почитает славянами гуннов, аваров, хазар. Утверждает, что Атила был славянин и что русские произошли от роксолан; словом, нельзя читать книги г-на Венелина не смеясь, а смеяться – не досадуя, что в наш век еще осмеливаются выползать на божий свет литературные чудовища такого рода»⁹. Появились рецензии и в других журналах. По мнению одного из биографов Венелина, названная книга скорее представляет собой свод материалов, собранных в разное время, причем автор старался привести их в порядок, но увлекся. Позднее он сам признавал несовершенство своей книги¹⁰. П. И. Шафарик

писал в своих заметках 1835 г., что «работа Венелина – сочинение некритическое, полное различных фантазий, заблуждений, ошибок, неправильностей, бессмыслиц»¹¹.

Действительно, «изыскания» Венелина были далеки от науки. Они не обнаруживали элементов исторической критики, но, как отмечалось, «не лишены были некоторого научного дерзновения». Книга Венелина не является фактом науки, дальнейшее развитие последней не подтвердило большинства его положений. Это – художественное произведение на историческую тему, как большинство средневековых хроник, как наша «Повесть временных лет», «История государства Российского» Карамзина и многие другие сочинения времени «ранних историй». В период становления исторической науки вообще и славяноведения в частности разработка древней истории Европы и славянства была слабой. Источниковая база неизвестна, скудость свидетельств и фактов нужно было заполнять воображением и домыслами. Методы исторической работы были не ясны, на первый план в сочинениях часто ставилась занимательность изложения вместо достоверности сообщения. Ведь и прославленное произведение «Славянские древности» чешского корифея, одного из родоначальников европейского славяноведения, созданное в середине 30-х гг. XIX в., содержало столь много ошибочных суждений и заключений, что через десяток с лишним лет оказалось устаревшим. Между прочим, серьезный удар «славянским древностям» Шафарика нанес харьковский профессор И. М. Собестианский, опубликовавший книгу «Учение о национальных особенностях характера и юридического быта славян. Историко-критическое исследование» (Харьков, 1892), а чешский археолог Л. Нидерле своими «Славянскими древностями» оставил работе П. И. Шафарика того же названия роль великой исторической реликвии славянской историографии.

Что касается книги Венелина, она не могла отвечать научным требованиям. По состоянию исторических знаний автор не мог осветить затронутые им вопросы подробно и правильно и создал национальный болгарский миф. Несмотря на это, Венелин высказал пару рациональных соображений. В период полемики по поводу происхождения славян он высказал мысль об их автохтонности на той территории, где их застала история, т. е. что они старожилы в Европе наравне с греками и латинянами. Отвергал он и норманскую теорию происхождения русского государства. При смутных представлениях о славянах в России 30-х годов XIX в. современники не могли увидеть в работе Венелина того, что обнаружила в них вооруженная новыми сведениями и методикой наука позднейшего времени. Современники вообще редко признают неординарные произведения. Мешают создавшиеся стереотипы мышления, личные отношения между членами ученого сообщества, амбиции отдельных лиц и т. д. Непринятые русской критикой произведения Венелина стали источником вдохновения для духовного возрождения болгар. Их не интересовала степень научности его сочинений. Главное было в том, что Венелин говорил с таким искренним волнением о невыносимом положении современных болгар, которые некогда были благороднейшим народом из всех славянских племен.

Ведь в начале XIX в. Болгария представляла собой одну из Западных территорий Османской империи. Ее население вело примитивное хозяйство, быт находился на самом низком уровне, люди лишены каких-либо человеческих прав. По вере болгары православные, но богослужение и вообще церковь в руках греков, т. к. турецкий султан передал духовное управление христианских народов империи Константинопольскому патриархату. Народ полностью неграмотен. Школ на болгарском языке нет. Зажиточные болгары посылают своих детей учиться в гимназии в Афины или Константинополь, т. е. в греческие учебные заведения. Греческие фанариоты руководствовались идеей эллинизации болгар, препятствовали развитию национальной культуры, изгоняя болгарский язык из богослужения и училищ. Не зная болгарского языка, греки

осуществляли гонения на церковнославянские книги. Таким образом, богатая греческая культура постепенно превратилась в тормоз болгарского культурного развития. Материальный и духовный гнет, отсутствие политических и вообще каких-либо прав, жестокое обращение турецких властей с христианским населением приводило к массовым эмиграциям болгар за пределами Турции. Богатые и образованные болгары основывали свои колонии в Румынии, Трансильвании, в России – особенно в Одессе и Николаеве, а позднее – в Москве. В этих центрах теплилась национальная мысль и возникали планы духовного возрождения родины, ее освобождения. Появление книги Венелина вызвало энтузиазм у эмигрантской болгарской интеллигенции. Некоторые деятели возрождения вступили с ним в переписку, посещали его, беседовали с ним о своих чаяниях. Степень научности его сочинений болгар не слишком интересовала, главное было в том, что автор выводил болгар из неизвестности и ставил в ряд просвещенных народов.

В 1830–1831 гг. Ю. И. Венелин совершил ученое путешествие в Болгарию. Задачей этой поездки было основательное знакомство с языком, жизнью и народной культурой болгар, сбор исторических документов, памятников письменности, материалов болгарского языка, этнографических и других сведений. В записках, которые вел ученый-путешественник, а также в письмах с пути, которые Венелин посылал разным лицам, он нарисовал яркую и удручающую картину духовного состояния болгар, населявших Балканы. Полученные им сведения и впечатления впоследствии стали источником многих сочинений Венелина. Поэтому небезынтересно сообщить некоторые факты. Так, в письме к М. П. Погодину из Силистры 20 августа 1830 г. Венелин пишет: «Мы плыли по Черному морю вдоль и поперек круглую неделю. 4-го июля в 12 часов бросили якорь в виду Варны. ...Я катнул со шхипером к берегу. Побродив по узким, кривым, душным, худо вымощенным улицам Варны, через часа два сели опять на катер и причалили к судну. ... На другой день я опять в город с бумагами... велено тотчас отвести мне квартиру. Квартир пустых было много, но все без окошек. Стекла в Турции не знают; на место одного загораживают окошки деревянными решетками. Жителей в Варне очень мало... Я просил, чтобы меня поселили с болгарами, чтобы более к ним привыкнуть и к их языку. ... На другой день я приступил к ученым розыскам... Хотел познакомиться с митрополитом и духовенством. В 7 часов отправился к обедне; мне сказали, что уже отошла. Однако я решил посетить все три варнские монастыря. В первом сказали, что митрополит со всем своим клиром дал тягу в Крым и что всеми монастырями заведует один только папас, живший в митрополии. Я просил провести меня к папасу; не застал дома. Отворили митрополитскую церковь; вошел, чуть кое-что разглядел в темноте... Папаса я встретил на улице, воротился в его келью... Я спросил его о рукописях, об архиерейском архиве. Он не понял ни того, ни другого. После объяснения сказал, что у митрополитов никогда не бывает никаких бумаг и писцов и что только одни москвитяне (русские) заводят такие дома (канцелярии), где вечно пишут. Я опять через толмача: не имеют ли монастыри дарованных им патриархами грамот? И не может ли он мне их доставить, какие бы они ни были, и мне услужить за деньги? Ответ утвердительный. Я обрадовался. И вот что вышло. Мой папас дня через два предлагает мне греческую азбуку печатную. Развязка: он думал, что я хочу учиться греческой грамоте. Он ли это смыслил или переводчик, не знаю. После сего я пустился приискывать грамотного болгарина; ни одного не нашел. У многих спрашивал про рукописные книги, не знает ли кто у кого. Сначала один обрадовал меня тремя; приносит. Что же? Три разные его билета от русских начальств. Он был прав, ибо книга на болгарском просторечии значит свиток бумаги, рукописная книга, т. е. исписанная бумага. Представить себе не можете, какие трудности должно прежде преодолеть, пока им объяснишь то, чего спрашиваешь. Для этого и грамотный недостаточен, ибо редкий доучился до того, чтобы тебя понял...

Один грек (лавочник), который мне показался несколько смысленным и коего я принял было за болгарина, отвечал мне: «Ну если уже так дорожишь этими рукописями, так неужели не умеешь наделать их себе сам!» Впрочем вообще вся Восточная Болгария чрезвычайно пуста для археолога; в ней-то меньше всего жило болгар, коих главные силы за Балканами... но жители гуртом переселились в Валахию и Молдавию, если бог даст здоровья, я их там отыщу... Посему в Варне заблаговременно стал собирать некоторые народописные и языкописные сведения о болгарях. ... В короткое время я так приучился по-болгарски, что разговариваю уже без переводчика...»¹².

Несмотря на трудности в поисках материалов о болгарях во время путешествия, Ю. Венелин собрал данные о болгарском языке и народном творчестве – песнях, пословицах, поговорках, изучал славянские грамоты в монастырях и архивах Бухареста, чем значительно обогатил науку знаниями о славянском населении Балкан. Особенно ценными были «Влахо-болгарские и дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным», изданные уже после его смерти (СПб., 1840). Их высоко ценил чешский ученый П. И. Шафарик. 26 сентября 1835 г. он писал М. П. Погодину: «Я лишь повторяю просьбу, чтобы Вы по возможности не забыли сразу же по Вашем прибытии в Москву выслать мне по почте копии старинных болгарских грамот, привезенных из путешествия г. Венелиным»¹³. А вскоре, 2 октября 1835 г., чешский ученый повторяет свою просьбу: «Если Вы желаете, чтобы моя «Булгарика» вышла в свет скорее, высылайте мне срочно обещанные Вами точные копии древнейших привезенных г. Венелиным болгарских грамот»¹⁴. Таким образом, высказывая строгие критические суждения о книге Венелина, чешский ученый очень высоко ценил найденные и переписанные Венелиным болгарские грамоты. Венелин написал так же ряд работ: «О характере народных песен у славян Задунайских» (М., 1835), «О зародыше новой болгарской литературы» (М., 1838), «Принятие христианства славянскими народами до Кирилла и Мефодия» (СПб., 1839) и др. Главным результатом ученого путешествия Венелина в Болгарию в 1830 г. была «Грамматика нынешнего болгарского наречия». Этот труд остался неизданным и вышел в свет только в 1997 г., подготовленный к публикации российским ученым Г. К. Венедиктовым¹⁵.

Книги Ю. Венелина произвели настоящий переворот в сознании образованных болгар. Эллинизация их культуры в это время зашла так далеко, что некоторые из них стыдились своего болгарского происхождения. Они вели деловую переписку только по-гречески, детей своих обучали в греческих школах.

Как известно, национальное, культурное возрождение каждого угнетенного народа начинается с интереса к своему языку, литературе, истории. Сочинения Ю. Венелина способствовали повороту в духовной ориентации болгар, возврату болгарской литературы к славянской традиции. Начало было положено работой «Древние и нынешние болгары» Венелина, которая произвела сильное впечатление на болгарских читателей. Не обращая внимания на научную достоверность изложенного материала, болгары, по отзыву поэта и публициста Райко Жинзифова, увидели в ней как в зеркале «всю прошедшую историческую жизнь своего народа, всю старинную славу и отнеслись с горячим сочувствием к описанным событиям. Его научный взгляд относительно древних болгар, основавших первую династию среди славян Балканского полуострова, до того пришелся по сердцу современным болгарам-славянам, что никто не смел сказать им, что теория Венелина не выдерживает строгой научной критики. Одним словом, Венелин своими сочинениями, благотворное влияние которых на болгар было громадно, создал целую школу с многочисленными последователями, и его научный взгляд на историю болгар будет иметь среди них перевес над всякою другою ученой теорией. С этого времени болгарская письменность начинает мало-помалу оживляться». Р. Жинзифов

связывал с деятельностью Венелина не только зарождение новой болгарской литературы, но и начало самой эпохи возрождения¹⁶.

Другой болгарский просветитель, Анастас Кипиловский, писал в письме к издателю Ширияеву: «Несколько дней тому назад мне посчастливилось получить в руки сочиненную господином Ю. Венелиным книгу под заглавием «Древние и нынешние болгары», которую я уже шесть раз ненасытно перечитываю. Я болгарин родом. Мои чувства в отношении моего народа совсем подобны тем чувствам, которыми переполнена душа почтенного сочинителя этой книги». Болгарский писатель и революционер Л. Каравелов заметил: «Первый том исследования Венелина о славянах «Древние и нынешние болгары», вышедший в 1829 г., имеет особую важность не столько для науки, сколько собственно для Болгарии. В этой книге Венелин открыл... существование неизвестного болгарского племени, одного из славянских племен, забытого миром, но имевшего у себя историю, обильную событиями, словесность, живой язык. И эта книга, а потом путешествие самого Венелина по Болгарии много содействовали нравственному возрождению болгарского народа».

В художественных произведениях болгарских писателей используются сюжеты и образы болгарской истории, фольклорные мотивы и описание быта и нравов болгар под влиянием сочинений Венелина. Отзвуки его идей имеются в исторических сочинениях С. Палаузова и М. Дринова. Книга Венелина вдохновила писателей на создание исторической драмы, которая всегда являлась существенным компонентом процесса национального возрождения культуры. Что касается языка, то главным источником по этому вопросу была «Грамматика». Многие болгары ее знали, но она не была напечатана, и круг лиц, знакомых с нею, ограничивался единицами. Но она представляла первый опыт описания болгарского языка, т. е. была создана до выпуска первых болгарских грамматик. В этом заключается культурно-историческое значение труда Венелина. В ней были реализованы взгляды Венелина на устройство орфографии болгарского языка. Некоторые болгарские ученые считали, что «Грамматика» ценна своими многочисленными культурно-историческими и этнографическими замечками, которые в ней содержатся. Исторические сочинения Венелина оказали сильное воздействие и на творчество болгарских поэтов. Высоко ценил труды Ю. Венелина крупнейший поэт эпохи возрождения П. Славейков. В поэмах эпохи Возрождения, как и в лирике, воспевалось героическое прошлое страны, утверждалась необходимость сопротивления поработителям. Историко-патриотическая тематика способствовала формированию нации, напоминая болгарам, что их объединяет общая историческая судьба, величественная в прошлом и трагическая в настоящем.

Подводя итог рассуждениям о значении Венелина для болгарского национального возрождения, можно констатировать, что его труды пробудили в болгарской интеллигенции национальное самосознание и явились стимулом для работы над просвещением народа и исследования его языка, истории и творчества. Придавая большое значение собиранию болгарских песен, которые он считал голосом народа и свидетельством его истории, Венелин побуждал болгарских деятелей обращать внимание на народную поэзию, которая, по его мнению, является одним из источников познания характера, обычаев, обрядов народа и его истории. Усилия ученого не пропали даром. Многие болгары как при жизни Венелина, так и во второй половине XIX в. внесли большой вклад в изучение болгарского фольклора. Собранные Венелиным влахо-болгарские грамоты представляли большой интерес как для палеографа, так и для истории болгарского языка. По призыву и примеру Венелина болгары стали осмысливать и собирать древние рукописи на славянском языке как ценный исторический и языковой источник. Составлением «Грамматики» Венелин положил начало научной разработке новоболгарского

языка, что положительно повлияло на развитие болгарского возрождения. Кроме того, Венелин начал создавать словарь болгарского языка, который, правда, не был оформлен, но идея оживила интерес к проблемам родного языка среди самих болгар. Таким образом, несмотря на несостоятельность ряда его теорий, фантастичность исторических и лингвистических построений, Венелин оказал влияние на развитие болгарского национального самосознания, был пионером и вождем болгарского Возрождения. Как говорил его первый биограф в 1854 г. П. А. Бессонов, «...все, чем только знаменуется возрождение болгарского просвещения, все то стоит в прямой или посредственной связи с именем Венелина»¹⁷.

Ю. И. Венелин умер в 1839 г. от туберкулеза. На его могиле в Даниловском монастыре в Москве в 1841 г. благодарные болгары воздвигли памятник из итальянского мрамора. Это была белая колонна, завершающаяся урной и крестом. На пьедестале были высечены слова: «Юрию Ивановичу Венелину одесские болгаре. 1841. Родился 1802 скончался 1839 года. Напомнил свету о забытом, но некогда славном, могущественном племени болгар и пламенно желал видеть его возрождение. Боже всемогущий! Услыши молитву раба своего»¹⁸. Впоследствии памятник был уничтожен. В 1988 г. на стене Данилова монастыря в Москве болгарским посольством установлена памятная доска.

¹ Укажем главные из них: *Данилюк, Д. Д.* Ю. И. Гуца-Венелин. Ужгород, 1995; Ю. И. Венелин. Грамматика нынешнего болгарского наречия. Публикация подготовлена *Г. К. Венедиктовым*. М., 1997; Ю. И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998; Ю. Венелин. З наукової спадщини визначного славіста. З нагоди 200-ліття від дня народження Ю. Венеліна. Ужгород, 2002; Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831). Публикация подготовлена *Г. К. Венедиктовым*. М., 2005.

² *Бессонов, П.* Юрий Иванович Венелин. – ЖМНП, ч. 221, 1882, № 5, с. 165.

³ *Бессонов, П.* Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию. – Московитянин, 1856, т. 3, № 10, с. 116.

⁴ *Бессонов, П.* Юрий Иванович Венелин..., с. 162.

⁵ Венелин Ю. (Рец. на кн.:) И. Яковенко. Нынешнее состояние Молдавии, Валахии и Бессарабской области с историческим описанием ее земель. СПб., 1828. – Московский вестник, ч. 10, 1828, № 15, 256–278; № 16, 373–392; № 17, 160–175.

⁶ *Гачев, Г. Д.* „Древние и нынешние болгаре“ Венелина как научно-художественное произведение и национальный миф. – В: Ю. И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998, с. 30.

⁷ Там же, с. 31.

⁸ *Гачев, Г. Д.* Указ. соч., с. 32.

⁹ Современная библиография: книги 1829 года. – Московский телеграф, 1829, № 16, 485–486.

¹⁰ *Бессонов, П.* Юрий Иванович Венелин..., с. 162.

¹¹ *Korespondence Pavla Josefa Šafařika. Vydal V.A. Francev vzaienne dopisu P.J. Šafařika s ruskými učenci (1825–1868). Čast. II v Praze. 1928, s. 492.* (далее КШ).

¹² Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831)..., 96–98.

¹³ КШ II, с. 490.

¹⁴ Там же, 493–494.

¹⁵ *Венелин, Ю. И.* Грамматика нынешнего болгарского наречия. М., 1997.

¹⁶ Цитировано по соч.: *Смолянинова, М. Г.* Юрий Венелин и болгарская литература эпохи национального возрождения. – В: Ю. И. Венелин в болгарском возрождении. М., 1998, с. 12, 13.

¹⁷ Цит. по: *Никулина, М. В.* Путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России. – В: Ю. И. Венелин в болгарском возрождении. М., 1998, с. 142.

¹⁸ О памятнике Ю. И. Венелину см.: *Венедиктов, Г. К.* За памятника на Юрий Венелин в Москва. – В: Ю. Венелин. З наукової спадщини визначного славіста. Ужгород, 2002, 133–140.